

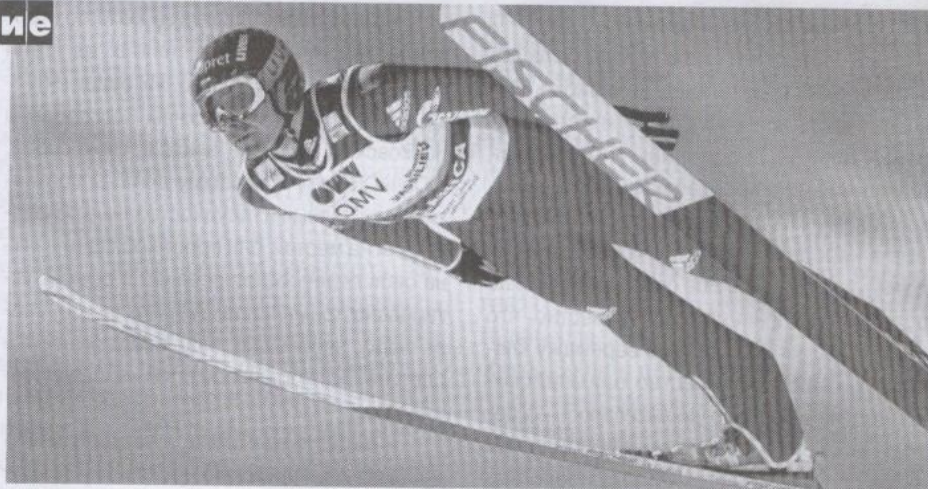
Компетентное мнение

– Шесть лет назад вы пришли к штабквартире главного тренера немецкой сборной, заменив знаменитого и вполне успешного Райнхарда Хесса. Эта смена вызвала большой шум, а если откровенно, недоумение и критику.

– В тот период многие наши тренеры и руководители были убаюканы победами Шмидта и Ханнавальда. А проблемы в сборной Германии уже были, и это были серьёзные проблемы. И в конце концов, они начали сказываться: сезон 2003 года стал для нас провальным. Так что моё недовольство было обоснованным.

– Да, Хесс подал в отставку, и вы, его помощник, стали главным тренером. Но всего через полтора года вы уже были объявлены «преступником» и смещены с поста.

– Я по сей день не знаю причины своего увольнения. Но сейчас они меня не ин-

Работа Вольфганга Штайерта со сборной России по прыжкам с трамплина по сей день вызывает большой интерес у его соотечественников. Об этом свидетельствует и его интервью, какое он дал Дирку Тайилу для международного журнала «Прыжки на лыжах с трамплина», и выдержки из других изданий, которые могут быть интересны нашему читателю.

Договор без МЕЛКОГО шрифта

тересуют, я не хочу быть злопамятным человеком.

– Вскоре после вашего ухода возникли слухи о возможном весьма необычном контракте.

– Об увольнении мне сообщили где-то в конце 2004 года. Какие-то две-три недели я ещё поработал в нашей Федерации, проводя время в милых беседах о прошлых победах немецких прыгунов с её генеральным секретарём Томасом Пфюллером, а затем пришло приглашение из России.

– Не было ли в том контракте того, что называется «условиями, набранными мелким шрифтом»?

– Нет, в нём всё было ясно и понятно, без ловушек. Я беседовал с президентом российской Федерации Славским, и мне понравилось его твёрдое желание сделать прыжки с трамплина популярным и сильным видом спорта. После этого я захотел работать только в России, никакие другие контракты я больше не рассматривал.

– Такой поворот в судьбе – как окунуться в холодную воду...

– Да, у меня были сложные чувства, когда я в первый раз прилетел на переговоры. Из аэропорта я долго добирался до Москвы по пригородам, и меня удивило соседство роскошных высоких зданий с невзрачными крестьянскими избами – это было не очень весёлое впечатление. Меня привезли в ОКР, где я долго беседовал с Владимиром Славским и тренером сборной России Александром Арефьевым. Эти полтора–два часа вдохновили меня, и я говорил себе: Вольфганг, решайся, тебе надо поработать в России, дома у тебя не благополучно, и тебе надо найти применение в этой стране. Здесь много проблем, но люди хотят добиться успеха, и это заслуживает уважения.

– А что вызвало наибольшее беспокойство?

– Это почти полное отсутствие инфраструктуры для занятий прыжками. Это удивительно для северной страны, которая могла бы иметь выдающиеся достижения в прыжках с трамплина. Поэтому я сразу сказал, что 90 процентов работы со сборной России будут проходить в спортивных центрах других стран. Наша основная база находится в Хинтерцартене. Я там родился, меня там знают, поэтому несложно улаживать всякого рода организационные проблемы. Сборная России тренируется там от 4 до 6 недель, прежде чем на 10–12 дней вернуться домой. Потом этот цикл подготовки повторяется. Это не очень дешёво, и если бы эти затраты в течение нескольких лет отдать на создание в России современного центра, то это было бы разумным и дальновидным вложением средств. Но надеяться на это до Олимпиады в Ванкувере не стоит, это более отдалённая перспектива. А сейчас приходится довольствоваться тем, что есть.

– У вас есть взаимное понимание со спортивным руководством России?

– По организационным вопросам я общаюсь, главным образом, со Славским.

Он старается, это видно, но далеко не всё ему удаётся. Одно время возникли разговоры, что Путин и Шрёдер будут совместно курировать зимние виды спорта в двух наших странах, но это, к сожалению, были только слухи. С Арефьевым я веду подготовку сборной России, это хороший специалист, и каких–то принципиальных разногласий между нами не возникает.

– Пресса на вашей стороне или...

– Прыжки с трамплина не очень популярны в России, поэтому интереса к нам со стороны прессы я почти не ощущаю. Но в этом есть и одно положительное обстоятельство: мы работаем спокойно, тогда как в Германии публично обсуждается даже самое незначительное событие. Для меня, если вспомнить упомянутую выше острую дискуссию, это имеет значение.

– А как у вас складываются отношения непосредственно со спортсменами?

– С самого начала я думал не только о спортивной, но и о человеческой стороне наших отношений. Поэтому первое, что я сделал, провёл с каждым из них беседу не только о прыжках, но и по душам. И теперь я знаю, откуда кто родом, какая у кого семья, чем интересуются после тренировок, когда день рождения, ну и так далее. Вскоре наступили рождественские праздники, и каждый из моих новых учеников получил от меня пакет с подарками, эти наборы помог мне составить один мой хороший знакомый, который работает в спортивной фирме. Я всегда считал, что в большом спорте тренер должен иметь высокий и несокрушимый авторитет, для этого можно прибегать к очень жёстким, иногда и диктаторским методам влияния. Это помогает ученикам преодолевать свои слабости, лень, неуверенность в себе. Но при этом они должны понимать, что суровость тренера связана с его стремлением помочь, сделать их классными спортсменами. А человеческая забота смягчает его жёсткое отношение к делу, вызывает у молодых людей доверие к тебе, к твоим усилиям.

– Они обеспечены качественным инвентарём?

– С этим проблем нет. У меня давние связи с хозяином фирмы Майнингер, достаточно сказать, что я обедаю с ним на протяжении последних лет. Мы ни разу не подводили друг друга. Но средства рос-

сийской Федерации ограничены, и она может обеспечить только основной состав национальной сборной.

– Какие сильные качества у этой команды?

– Мне нравятся эти ребята, у них хороший менталитет. Они не завидуют друг другу, в их отношениях царит дух коллективизма, хотя в нашем виде спорта есть и индивидуальное соперничество. На первом сборе я хотел разместить ребят в двухместных номерах, но они пришли ко мне и попросили комнату с четырьмя кроватями. Они хотят быть вместе, это хорошо.

– Что вы можете сказать об их олимпийских шансах?

– Когда я пришёл в сборную России, то у неё был всего один прыгун международного уровня – Дмитрий Васильев. С определённой сноской можно сказать об Ильдаре Фаткуллине, который, кстати, тогда мне очень помог, поскольку неплохо знал немецкий. Но даже два хороших прыгуна – это очень мало, это всего два шанса. Поэтому пришлось энергично поработать с молодёжью, и нам удалось подтянуть Карелина, Рослякова, Корнилова и Ипатову. У любого из них большой потенциал, большое желание выступить на олимпийском турнире в Ванкувере. Но ещё не хватает стабильности, уверенности в себе, что иногда сказывается во второй попытке, которая и выявляет зрелость и способность к максимальной концентрации. Кстати, на Олимпиаде 2006 года у Васильева был лучший результат в первой попытке, но в следующей он сорвал приземление и остался без награды.

– Вы проводили какие–то занятия по психологии, предлагали сеансы самовнушения или чего–либо подобного?

– Нет, такого не было. Но я советовал ребятам ходить с гордо поднятой головой и не опускать глаза, побольше улыбаться и спокойно смотреть на соперников. Это, конечно, не главное, но это хорошее приложение к высокому уровню спортивной подготовки.

– Скажите, а что вы будете ощущать, если Васильев или кто–то ещё победит немцев в Ванкувере?

– Вы меня озадачили... Но я честно скажу, что я не борюсь с немецкими прыгунами, я просто тренирую русскую команду и делаю всё возможное для её успешного выступления.